

Адерихин Роман Николаевич

аспирант кафедры теории права,
государства и судебной власти
Российского государственного университета
правосудия

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕСТА КОНКРЕТИЗАЦИИ В ПАРАДИГМЕ ОДНОРОДНЫХ ПОНЯТИЙ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

Аннотация:

В статье анализируются основные исторические подходы к определению понятия «конкретизация», а также проблемные вопросы ее соотношения с другими категориями, такими как «герменевтика», «детализация», «толкование» и др. Рассматриваются основные подходы к их соотношению и разграничению в научной литературе. Предлагаются пути преодоления проблемных вопросов и методы их изучения.

Ключевые слова:

конкретизация, герменевтика, понятие, правовая конкретизация, ситуационный контекст.

Aderikhin Roman Nikolayevich

PhD student,
Theory of Law, State
and Judicial Power Department,
Russian State University of Justice

DETERMINATION OF THE PLACE OF SPECIFICATION IN THE PARADIGM OF SIMILAR CONCEPTS: PROBLEM ASPECTS

Summary:

The paper analyses the main historical approaches to the definition of the "specification" concept, as well as the problem issues of its relationship with other categories, such as "hermeneutics", "particularization", "interpretation", etc. The author considers the main approaches to their correlation and differentiation in the scientific literature. The ways to deal with the problem aspects and the methods of their study are suggested.

Keywords:

concretization, hermeneutics, definition, legal specification, situational context.

В современной юридической литературе наблюдается тенденция к наделению того или иного понятия плюралистической смысловой составляющей или нагрузкой, что в свою очередь порождает тревожную ситуацию, связанную с размыванием научной составляющей исследования в данной области в целом и в области понятия о юридической конкретизации частности. Чтобы разобраться в данной ситуации и предложить пути выхода из нее, необходимо рассмотреть философские основания данного понятия.

Итак, прежде всего: как и на основе чего возникает разница между понятиями, что есть «разница» или «различие», на основе чего, каких недр наших когнитивных способностей мы вообще можем «что-то» различать и «что-то» соединять? Это важнейшие вопросы, которым, возможно, суждено остаться без ответов.

Проведем небольшой логический анализ. Можно сказать, что мы различаем «что-то» от «чего-то» по наличию или отсутствию у «того» или «иного» «чего-то». То есть в некоей цельности прослеживается «нечто», отлично воспринимаемое от «другого нечего», следовательно, с необходимостью возникает понятие признака или атрибута. Однако если мы различаем «что-то» от «чего-то» по их признакам или атрибутам как неким воспринимаемым, а значит, познаваемым единицам, то как мы различаем сами «признаки» и «атрибуты» как «нечто»? Вопрос состоит в том, что при необходимости сами признаки в отдельности выступают самостоятельными «нечто». Получается, что «признаки» и «атрибуты» того или иного предмета или явления сами должны содержать «признаки» и «атрибуты», на основании которых мы можем констатировать факт их принадлежности к тому или иному явлению, процессу, предмету действительности и так до бесконечности. Проблема в том, что, пытаясь разобраться и найти абсолютный критерий разграничения предметов и явлений окружающего мира, мы становимся заложниками собственной формы существования, которая построена по принципу рамочного или единичного восприятия конкретно того, на что, как говорил Гуссерль, направлена наша интенция. Однако данный вопрос требует своего отдельного рассмотрения. Что касается нашего исследования, то следует признать пока лишь тот факт, что признаки и атрибуты в своей совокупности формируют «воспринимаемую» целостность, которая в свою очередь отлична от другой «целостности» своими атрибутивными свойствами и индивидуальными признаками.

Далее следует отметить, что необходимость различия возможна и допустима только при наличии воспринимаемости и антагонистического «чего-то». Если «нечто» существовало бы или воспринималось нами в единичном экземпляре и ни с чем не сопоставлялось, то это было бы «нечто» невоспринимаемое и «нечто» абсолютно единое, «нечто» абсолютно пустое и абсолютно полное, «нечто» диалектически цельное, в котором мы бы даже не смогли узнать, существуем мы

или нет. А если «нечто» неразлично, несопоставимо и невоспринимаемо, то оно абсолютно бессмысленно в своем единстве. Можно, конечно, возразить: как можно говорить о «нечто» невоспринимаемом? В самом невоспринимаемом, перефразируя слова Декарта, есть уже его «невоспринимаемость», которая должна коррелировать с воспринимаемостью. Но если нечто и невоспринимаемое, и воспринимаемое одновременно, как возможно различие? Как нам кажется, оно возникает на определенном онтологическом уровне. Например, можно предположить и сказать, что все диалектическое единство сосредоточено в некоей субстанции (Бог, Абсолют, «я», Природа и т. п.) как в термоядерном реакторе, результаты деятельности которого доступны нам и нами же воспринимаемы посредством категории «различие». Таким образом, различие упирается в индивидуальность и неповторимость предикативной составляющей сущности (предмета, явления и т. п.). Следовательно, различие есть процесс сопоставления «предикативной индивидуальности» одного предмета, явления, процесса с «предикативной индивидуальностью» другого.

Возьмем, например, категорию «понятие». «Само по себе оно есть акт человеческой воли, функция коммуникации. Зачем нам необходимы тысячи единиц разновидностей «понятия»? Они все есть «понятия» и в то же время не «есть понятия», так как отличны от «него» и вместе с тем тождественны «ему». Смысл в том, что все упирается в некие единичные признаки «чего-то». Однако, как уже было сказано, «признаки» – это тоже «что-то». «Что-то» выступает предельным понятием всех понятий. Как видим, наши логические операции приводят нас в никуда с точки зрения «сущностно-онтологической» стороны данного вопроса, однако перед нами открывается широчайшее поле для исследования данного института в парадигме вопроса «как» и «каким образом». На ум приходит и проясняется даосская поговорка о том, что «знающий молчит, а говорящий не знает»: не знает то, что отвечает на вопрос «что», когда, однако, вполне уместно рассматривать и отвечать на вопрос «как».

Итак, перенесем представленные логические умозаключения в плоскость нашего исследования.

Нередко ученые при рассмотрении понятий «герменевтика», «конкретизация» и им подобных ставят их в один ряд, отождествляют или же, наоборот, различают, не задаваясь серьезно вопросами почему и на основании чего. В связи с этим, как подчеркивает В.М. Баранов, негативный (одновременно доктринальный и практический) аспект конкретизации юридических норм заключается в том, что законодательная дефиниция ее отсутствует, а исследователи при определении природы данного феномена считают возможным «привязывать» к нему множество инородных элементов, чужеродных признаков, искусственно смоделированных свойств. «Лики» конкретизации юридических норм недопустимо плюралистичны [1]. Так, например, Е.В. Васильковский наряду с понятием «герменевтика» использует в своем исследовании такие понятия, как «разъяснение», «раскрытие», «понимание», «представление», «выяснение». По его мнению, главной помехой выступает то, что почти каждое слово имеет несколько значений [2], что, на наш взгляд, во-первых, является одним из «драйверов» существования и деятельности конкретизации, а во-вторых, заставляет нас искать новые пути в преодолении понятийного хаоса путем выработки новых методов и средств исследования.

По мнению М.В. Залоило, существует разница между понятиями «конкретизация» и «толкование». Так, под конкретизацией ученый понимает свойство правового регулирования, особый объективный процесс, обусловленный таким признаком права, как его неопределенность и абстрактность содержания [3]. Далее автор говорит, что правовые нормы формулируются в общем виде, в то время как индивидуальные отношения обладают рядом особенностей и для правильного применения к ним правовых норм необходима их конкретизация [4]. Также «посредством конкретизации абстрактное содержание юридических норм переводится на более определенный уровень, порождая конкретные предписания, фактические обстоятельства подпадают под действие общей нормы» [5]. Под толкованием автор понимает «установление содержания нормативных правовых актов, направленное на раскрытие выраженной в них воли нормоусмотрителя»; «толкование – важный элемент реализации права в целом и правоприменения в частности». При этом автор упускает из виду и не проводит различия между такими понятиями, как «конкретизация» и «индивидуализация», говоря, что «в процессе правоприменительной конкретизации содержание общей юридической нормы конкретизируется, индивидуализируется применительно к отдельному обстоятельству» [6].

У Гюстава Шпета можно проследить разграничение понятий индивидуального и конкретного [7]. Конкретизация и зримость разграничены у Гете [8]; понимание, объяснение, узнавание, конкретизация – у М.М. Бахтина [9]; разъяснение, уразумение, конкретизация – у Н.С. Таганцева [10]; уяснение, разъяснение, толкование, конкретизация – у А.М. Пиголкина, Н.Н. Вопленко, А.И. Денисова, С.А. Голунского, М.С. Строговича, А.Б. Венгерова [11]; объяснение, выяснение, толкование – у М.Д. Шаргородского [12]; понимание, постижение, применение – у Л.А. Харитоновой [13]; применение, осуществление, толкование, конкретизация – у В.В. Лазарева (по его мнению, толкование является необходимой предпосылкой акта применения закона, конкретизация –

необходимый компонент этого применения [14]); определенность и конкретизация – у Т.М. Пряхиной [15]; уяснение, раскрытие, применение, конкретизация – у П.А. Гука [16]; реализация и конкретизация – у В.А. Сапуна [17]; разумение, объяснение, понимание, герменевтика – у В. Дильтея [18]. Особенно часто в последнее время звучит вопрос об отсутствии разработки и разграничении таких понятий, как «конкретность» и «конкретика» [19], «конкретизация» и «толкование» [20], «определенность» и «неопределенность» [21], «распознавание» и «конкретизация».

По мнению В.В. Ершова, теоретически более обоснованно разграничивать понятия «конкретизация» и «толкование права» [22]. Толкование права ограничивается только «уяснением» и «разъяснением» в правореализационном процессе имеющихся принципов и норм права, содержащихся в формах международного и национального права, реализующихся в государстве, с целью индивидуализации, индивидуального регулирования фактических общественных отношений. В свою очередь, конкретизация права есть не что иное, как выработка в процессе правотворческой деятельности более детальных, дополнительных, уточняющих и т. д. принципов и норм права [23].

Также, например, В.М. Баранов наряду с конкретизацией выделяет такие понятия, как «уточнение» и «дополнение», говоря, что они не могут признаваться конкретизацией юридических норм, поскольку являются самостоятельными правотворческими процедурами. Автором подчеркивается, что конкретизация есть дифференциация посредством технико-юридических приемов детализации до такой степени определенности, которая необходима для эффективной реализации [24]. То есть наряду с конкретизацией выделяется понятие «детализация». М.В. Кича определяет толкование как «уяснение» и «разъяснение», тогда как конкретизация права характеризуется выработкой в процессе правотворческой деятельности управомоченных органов и лиц более детальных, дополнительных, уточняющих и т. д. принципов и норм права в соответствии с наличествующими принципами и нормами права, имеющими большую юридическую силу [25]. Согласно выводам Л.Л. Чайковского, конкретизация направлена на обеспечение ясности, определенности и недвусмысленности правовых норм путем разъяснения их содержания, уточнения условий и порядка применения обозначенных правил поведения [26]. По мнению А.Д. Шурутиной, реализация юридических норм – это и есть их конкретизация [27]. Уточнение и конкретизация также наблюдаются в работах С.Е. Звягинцева. По мнению В.В. Лазарева, конкретизация и толкование права пересекаются на практике, однако в теории являются самостоятельными понятиями [28].

Также, анализируя работы других авторов, можно сказать, что толкование в целом рассматривается в качестве средства конкретизации, конкретизация как вид и способ толкования включает в себя толкование и наоборот. Наряду с этим научное сообщество ведет дискуссию насчет множества иных аналогичных понятий, которые различаются в основном в зависимости от стадий правового регулирования, способов и видов конкретизации по отраслевым, временным, доктринальным, теоретическим и иным характеристикам. Так, например, по мнению М.Л. Смирновой, конкретизация осуществляется на всех стадиях правового регулирования [29]. Выделяют правотворческую конкретизацию. Способы данной конкретизации: конкретизация в законе, издание подзаконных актов, выработка конкретизирующих правоположений судебной практикой [30]. Такие же или аналогичные положения можно проследить в работах М.В. Залоило, В.В. Ершова и многих других.

Все это, по нашему мнению, в конечном итоге порождает проблему понятийного хаоса, который необходимо устранить. Как говорит В.И. Крусс, необходимо избавиться от контрпродуктивной догматической конкуренции [31]. Для этого необходимо задаться вопросом о том, почему, например, авторы довольствуются различием понятий «конкретность» и «конкретный», «конкретизация», «толкование», «детализация» и т. п., но оставляют без внимания такие понятия, как «точность», «конкретизируемость», «истолкование», «истолковывать», «уяснять» и т. п.? Почему рассматриваются лишь выборочные понятия? Почему, например, не принимается в расчет понятие «понимание»? А ведь по справедливому замечанию протоиерея Александра Меня, «общая герменевтика тесно связана с проблемой *понимания*, так как понимание не есть просто восприятие информации. Цель его – проникнуть за систему знаковых символов, из которых складывается речь (и записанное слово), с тем чтобы возможно более адекватно постичь скрытый в них смысл» [32]. Это наводит на мысль о том, что одни понятия, согласно логико-гносеологическим установкам, приведенным выше, так сказать, более существенны, актуальны, чем другие. Однако на основании чего? Или же их попросту забыли? Данный вопрос требует тщательного изучения.

Нам кажется нецелесообразным искать отличия между понятиями, близкими к «конкретизации» или «толкованию», а также между ними самими применительно к той или иной ситуации, будь то этап принятия законодательного акта или стадия судебного процесса, так как это не даст нам в сущности ничего из-за бесчисленного множества ситуаций (жизненных атрибутов), к которым можно применить данные понятия. Исходя из этого, необходимо признать, что понятия «конкретизация», «уточнение», «толкование», «уяснение» и т. п. являются «объективными» синонимами, которые в силу исторического и других факторов реализуются посредством субъективной направленности на них смыслового субъекта и отражают определенный ряд явлений и процес-

сов. Следует признать, что мы не можем использовать «все аналогичные понятия» в силу ненужности, отсутствия целевого смысла, а также ввиду их большого количества. Следовательно, проводить различие между данными понятиями было бы бессмысленно с точки зрения их объективного существования, так как в своей объективности они не обладают никаким смыслом для нас. Таким образом, нет никакой необходимости проводить различия между понятиями «конкретизация» и «толкование» при наличии множества «схожих» понятий – с таким же успехом можно проводить различия между всеми вышеперечисленными и не перечисленными, однако отражающими один ряд явлений действительности синонимичными понятиями во всех их комбинациях.

В связи с этим необходимо как можно более предельно обобщить или универсализировать смысловую разницу или сходство данных понятий. Парадокс заключается в том, что смысловая нагрузка данных понятий объединена на их объективной или абстрактной стадии как неких понятий, отражающих определенные блоки явлений действительности. Назовем их однородными классами.

Вопрос в том, как в принципе существуют определенные классы понятий, которые по существу (смысловой нагрузке) есть одно и то же, однако в то же время таковыми не являются? Проблема в том, что сами понятия выражаются в так называемой «идеальной» форме, а именно являются формой процесса мышления, выражаемой посредством «языка». По Н.В. Исакову, это необходимая разновидность интеллектуальной деятельности управомоченных субъектов [33], которая, как известно, способна выходить далеко за рамки эмпирической действительности. Так, для лучшего понимания данной проблемы и нахождения ответа на вопрос, на наш взгляд, следует разделить данный класс понятий на несколько блоков:

- 1) «смысловые» и «атрибутивные»;
- 2) отражающие «статику» и «динамику»;
- 3) «смыслорасширяющие» и «смыслоизолирующие»;
- 4) «интерпретируемые» и «интерпретирующие»;
- 5) «объективные», или «общие» (пустые «для нас» по своей смысловой нагрузке) и субъективные (наполненные смыслом «здесь» и «сейчас»).

Также следует выделить важную категорию, в рамках которой и будут строиться вышеперечисленные классы понятий, – «ситуационный контекст», тесно интегрированный в процесс актуальности употребления инструмента конкретизации.

Каждый из вышеперечисленных классов понятий требует своего отдельного скрупулезного рассмотрения. В статье ограничимся лишь общими идеями целесообразности их использования, которые мы вкладываем в каждый из данных классов.

Что касается первого класса, то понятия можно и необходимо разделить на несущие в себе смысловую нагрузку, некие «локомотивы» понятий, наполненные определенным содержанием, а также понятия-«сцепки» – те, которые мы называли «атрибутивными», или «несамодостаточными». Первые формируются как посредством опыта, так и независимо от него, если под понятием опыт мы понимаем чисто эмпирико-сенсуалистический подход, который в своем многообразии присущ всем субъектам познания.

Возьмем, например, понятие «право». Оно отражает определенный пласт действительности, а именно может включать в себя понятие закона, справедливости, норм поведения, психического процесса и т. д. То есть это понятие самодостаточно и конкретно определено через атрибутивные свойства, в виде которых выступают другие понятия, формирующиеся в качестве предложения. Напротив, например, понятие «конкретизация» не выражено атрибутивными свойствами, но принимает «форму» и находит свое функционально-смысловое выражение лишь по отношению к «смысловым» и «самодостаточным» понятиям: «конкретизация права», «конкретизация содержания», «конкретизация понятий» и т. п. Данные понятия можно сравнить со знаками препинания в математике. Так, единица (1) является самодостаточным знаком, так как несет в себе смысловую нагрузку и может существовать самостоятельно без потери определенной смысловой составляющей, а знаки + или = не являются самодостаточными, так как не несут в себе никакой смысловой нагрузки, но обретают смысл лишь при наличии чисел, соединяя и выдавая различные их соотношения, то есть выступают функцией выражения, отношением. Точно так же и в языке понятий: существуют понятия самодостаточные, или «смысловые», и «атрибутивные». Данное разграничение помогает снять многие проблемы в определении сущности понятий и значительно упростить их классификацию по различным основаниям.

Второй класс понятий характеризуется отражением существующих в окружающей действительности процессов: «статики» и «динамики». Множественность понятий, как можем заключить из истории развития семиотики, с необходимостью обозначает либо предмет, либо процесс, либо явление действительности, как в материалистическом, так и в иррационалистическом плане. Существуют предметы, процессы, явления, характеризующиеся и отличающиеся объемом, размером,

скоростью. Следовательно, для выражения всех этих признаков и качеств необходимо иметь соответствующие понятия. Таким образом, разумно предположить, что существуют понятия «статические» и «динамические».

Третий класс характеризует существенное свойство всех понятий выступать в качестве понятий, уменьшающих и расширяющих смысловой объем информационного материала. Например, понятие конкретизации предполагает, как неоднократно подчеркивалось ученым сообществом, уточнение и уменьшение смысловой составляющей текста или понятий с целью доведения смысловой нагрузки до приемлемой для восприятия другими субъектами правоотношений. А понятие «изучение» в сущности представляет диаметрально противоположную ситуацию, а именно несет в себе функцию или атрибутивное свойство «расширения» смысловой составляющей. Естественно, требует своего исследования постановка вопроса о том, где и при каких обстоятельствах возможен процесс конкретизации, однако эта тема требует отдельного изучения.

Четвертый класс характеризуется постановкой проблемы толкования одних понятий посредством других. Как говорил Бэкон, существуют понятия сложные и относительно простые. Чем характеризуется такое деление? Тем, что чем больше понятий синхронизируются с исходным, описываемым, тем оно сложнее за счет количественного и смыслового многообразия охвата. Сложные понятия характеризуются такими свойствами, как абстрактность, фундаментальность, изменчивость, противоречивость, как говорил Рикер, полисемичность, но полисемичность не понятия, а понятий, входящих и раскрывающих исходное (описываемое) понятие. То есть полисемичность понятия как такового и полисемичность понятия при синхронизации с другими понятиями. Ж. Делёз в своем труде «Логика смысла» обозначает данную проблему так: «Если принять предложение за некое имя, то ясно, что каждое имя, обозначающее объект, само может стать объектом нового имени, обозначающего его смысл: n_1 отсылает к n_2 , которое обозначает смысл n_1 ; n_2 отсылает к n_3 и так далее» [34]. К данной проблеме также отсылает парадокс Фреге.

И, наконец, пятый класс понятий непосредственно связан с «ситуационным контекстом». Здесь уместно вспомнить феноменологию духа Гегеля, в которой он делает вывод о том, что при определении «сущности» предмета или явления мы «выхватываем» как бы из «истории понятий» нечто «сейчас» и «здесь» и оно для другого субъекта познания уже будет не «сейчас», как было для нас, но уже «было» для него по отношению к нам, то есть не будет «сущностное», не будет «истинно», как для нас оно было. Поэтому суть одного и того же явления мы выражаем многими понятиями. В связи с этим перефразируем известную фразу: сколько понятий, столько и названий, которые суть «в одном» и суть разные для всех [35]. Таким образом, можно сказать, что есть понятия, выражающие одно и то же явление по-разному, в зависимости от исторических, культурных, ментальных и других обстоятельств, и понятия, выражающие разные явления, которые тоже взаимосвязаны, но уже не на понятийно-категориальном уровне, а на уровне внутренне присущих самим явлениям свойств, индифферентных по отношению к субъекту познания.

Подводя итоги исследования, отметим многогранность, сложность и малую степень разработанности вопроса конкретизации в целом и правового конкретизации в частности. Данное положение дел требует дальнейших разработок и систематического изучения проблем института конкретизации в современной научной парадигме исследований.

Ссылки и примечания:

1. Баранов В.М. Правотворческая конкретизация: негативный ракурс // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2 (26). С. 12.
2. Васильковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. М., 1997. С. 40.
3. Залоило М.В. Конкретизация и толкование юридических норм: проблемы соотношения и взаимодействия [Электронный ресурс]. URL: <http://justicemaker.ru/view-article.php?id=10&art=250> (дата обращения: 24.09.2016).
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. См., например: Оттавиано Дж. Г. Шпет: путь от феноменологии к герменевтике // HORIZON. Феноменологические исследования. 2013. Т. 2, № 1. С. 6.
8. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров ; примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. М., 1979. С. 204–205.
9. Там же. С. 290.
10. Таганцев Н.С. Толкование закона и его задача [Электронный ресурс] // Таганцев Н.С. Уголовное право (Общая часть). Ч. 1. 2003. По изд. 1902 г. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p0/instrum105/item781.html> (дата обращения: 24.09.2016).
11. Венгеров А.Б. Теория государства и права [Электронный ресурс]. 3-е изд. М., 2000. С. 273. URL: <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=1137> (дата обращения: 24.09.2016) ; Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права. М., 1976. С. 1 ; Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М., 1962. С. 8.
12. Шаргородский М.Д. Избранные труды. СПб., 2004. С. 199.
13. Харитонов Л.А. Герменевтический подход к толкованию правовых норм // Криминалист. 2011. № 1 (8). С. 114.

14. Конкретизация права: теоретические и практические проблемы : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (21–25 апр. 2014 г.). М., 2015. С. 14.
15. Там же. С. 19.
16. Там же. С. 22.
17. Там же. С. 23.
18. Дильтей В. Собрание сочинений : в 6 т. Т. IV. Герменевтика и теория литературы / пер. с нем. под ред. В.В. Библихина и Н.С. Плотникова. М., 2001. С. 256–257.
19. Гамидов М.Ш. Конкретизация норм права : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009.
20. Залоило М.В. Указ. соч.
21. Власенко Н.А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 1.
22. Ершов В.В. Размышления к 20-летию юбилею Конституции России [Электронный ресурс]. URL: <http://xn---7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/7738> (дата обращения: 24.09.2016).
23. Там же.
24. Конкретизация права: теоретические и практические проблемы. С. 15.
25. Кича М.В. Конкретизация норм обычного права // Конкретизация права: проблемы теории и практики : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. аспирантов, соискателей и молодых ученых (13 мая 2014 г.). Разд. IX. С. 14.
26. Чайковский Л.Л. Конкретизация принципа права на развитие в Российской Федерации // Там же. С. 139.
27. Шурутина А.Д. Конкретизация права при реализации статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Там же. С. 141.
28. Конкретизация права: проблемы теории и практики. С. 18.
29. Смирнова М.Л. Конкретизация в правотворческой практике: понятие и виды // Конкретизация права: проблемы теории и практики. С. 19.
30. Конкретизация права: проблемы теории и практики. С. 138.
31. Там же. С. 20.
32. Герменевтика [Электронный ресурс] // Александр Мень, прот. Библиологический словарь. URL: <http://www.golubinski.ru/academia/hermeneutics.htm> (дата обращения: 24.09.2016).
33. Конкретизация права: теоретические и практические проблемы. С. 26.
34. Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я.И. Свирского. 2-е изд. М., 2015. С. 44–45.
35. Данная проблема достаточно сложна и еще требует своего изучения, прежде всего исследования понятий «реальность», «сущность» и «настоящее».

References:

- Bakhtin, MM 1979, *Aesthetics of verbal creativity*, Moscow, pp. 204-205, (in Russian).
- Baranov, VM 2014, 'Law making specification: a negative angle', *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, no. 2 (26), p. 12, (in Russian).
- Deleuze, G 2015, *Logic of Sense*, 2nd ed., Moscow, p. 44-45, (in Russian).
- Dilthey, V 2001, *Collected Works: in 6 vols.*, vol. IV: Hermeneutics and literary theory, Moscow, pp. 256-257, (in Russian).
- Gamidov, MSh 2009, *The concretization of the law*, PhD thesis, Nizhni Novgorod, (in Russian).
- Ershov, VV 2016, *Reflections on the 20th anniversary of the Russian Constitution*, viewed 24 September 2016, <<http://xn---7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/7738>>, (in Russian).
- 'Hermeneutics' 2016, in Men, A prot., *Bibliologic dictionary*, viewed 24 September 2016, <<http://www.golubinski.ru/academia/hermeneutics.htm>>, (in Russian).
- Kharitonov, LA 2011, 'The hermeneutic approach to the interpretation of legal norms', *Kriminalist*, no. 1 (8), p. 114, (in Russian).
- Kicha, MV 2014, 'Specification of customary law', *Konkretizatsiya prava: problemy teorii i praktiki: materialy V Vseros. nauch.-prakt. konf. aspirantov, soiskateley i molodykh uchennykh (13 May 2014)*, Div. IX, p. 14, (in Russian).
- Konkretizatsiya prava: teoreticheskiye i prakticheskiye problemy: materialy IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (21-25 April, 2014)* 2015, Moscow, p. 14, (in Russian).
- Pigolkin, AS 1962, *Interpretation of regulations in the USSR*, Moscow, p. 8, (in Russian).
- Ottaviano, J 2013, 'G Speth: Way from phenomenology to hermeneutics', *HORIZON. Fenomenologicheskiye issledovaniya*, vol. 2, no. 1, p. 6, (in Russian).
- Shargorodskiy, MD 2004, *Selected works*, St. Petersburg, p. 199, (in Russian).
- Shurutina, AD 2014, 'Specification of rights in the implementation of article 6 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms', *Konkretizatsiya prava: problemy teorii i praktiki: materialy V Vseros. nauch.-prakt. konf. aspirantov, soiskateley i molodykh uchennykh (13 May 2014)*, Div. IX, p. 141, (in Russian).
- Smirnova, ML 2014, 'Specifying in the law-making practice: the concept and types', *Konkretizatsiya prava: problemy teorii i praktiki: materialy V Vseros. nauch.-prakt. konf. aspirantov, soiskateley i molodykh uchennykh (13 May 2014)*, Div. IX, p. 19, (in Russian).
- Tagantsev, NS 2003, 'The interpretation of the law and its task', *Criminal Law (General Part)*, part 1, viewed 24 September 2016, <<http://www.allpravo.ru/library/doc101p0/instrum105/item781.html>>, (in Russian).
- Tchaikovskiy, LL 2014, 'The concretization of the principle of the right to development in the Russian Federation', *Konkretizatsiya prava: problemy teorii i praktiki: materialy V Vseros. nauch.-prakt. konf. aspirantov, soiskateley i molodykh uchennykh (13 May 2014)*, Div. IX, p. 139, (in Russian).
- Vaskovskiy, EV 1997, *Guide to the interpretation and application of laws*, Moscow, p. 40, (in Russian).
- Vengerov, AB 2000, *Theory of State and Law*, 3rd ed., Moscow, p. 273, viewed 24 September 2016, <<http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=1137>>, (in Russian).
- Vlasenko, NA 2013, 'The uncertainty in the law: the nature and forms of expression', *Zhurnal rossiyskogo prava*, no. 2, p. 1, (in Russian).
- Voplenko, NN 1976, *The official interpretation of the law*, Moscow, p. 1, (in Russian).
- Zaloilo, MV 2016, *Concretization and interpretation of legal norms: the problem of the relation and interaction*, viewed 24 September 2016, <<http://justicemaker.ru/view-article.php?id=10&art=250>>, (in Russian).